

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Око Мира

Великая охота

Дракон Возрожденный

Восходящая Тень

Огни небес

Властелин хаоса

Корона мечей

Путь кинжалов

РОБЕРТ
ДЖОРДАН

ПУТЬ КИНЖАЛОВ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 8

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Д 42

Robert Jordan
THE PATH OF DAGGERS
Copyright © 1998 by Bandersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell
Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell
All rights reserved

Перевод с английского
Тахира Велимеева, Виталия Волковского
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

*Издательство благодарит за помощь в работе
над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина,
а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света»,
способствовавших выходу в свет настоящего издания.*

ISBN 978-5-389-20881-0

© Т. А. Велимеев, перевод, 2000
© В. Э. Волковский (наследники), перевод, 2000
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Харриет.

Мой свет, моя жизнь, моя душа — навсегда

Кто алчет могущества, должен взбираться тропой кинжалов.

Анонимная пометка, сделанная чернилами; обнаружена на полях рукописной истории (предположительно датируемой временем Артура Ястребиное Крыло) о последних днях Тованских конклавов

На высотах все пути вымощены кинжалами.

Старая шончанская пословица

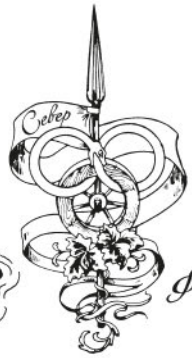
острова
Айл Дашар

океан
Арийт

Мертвое
море

Край
Мира

Бандар
Эбан

Фалле

Лыс Дюман

равнина
Алот

Катар

Торы тумана

Платиний
Свар

Темный
лес

Джондоль

Алг

ДВУРЕЧЬЕ

Тарек

океан
Арийт

Танчико

острова
Айл Джафар

РЕКА ЛАТОН
АРАД
ДОМАН
РЕКА
АКУУМ

РЕКА АНДАХАР
ТАРАБОН

Джеханная

Торы тумана

РЕКА ЭЛД

РАМА

Алидер

АМАЛИЦИЯ

РЕКА ШАРЯ

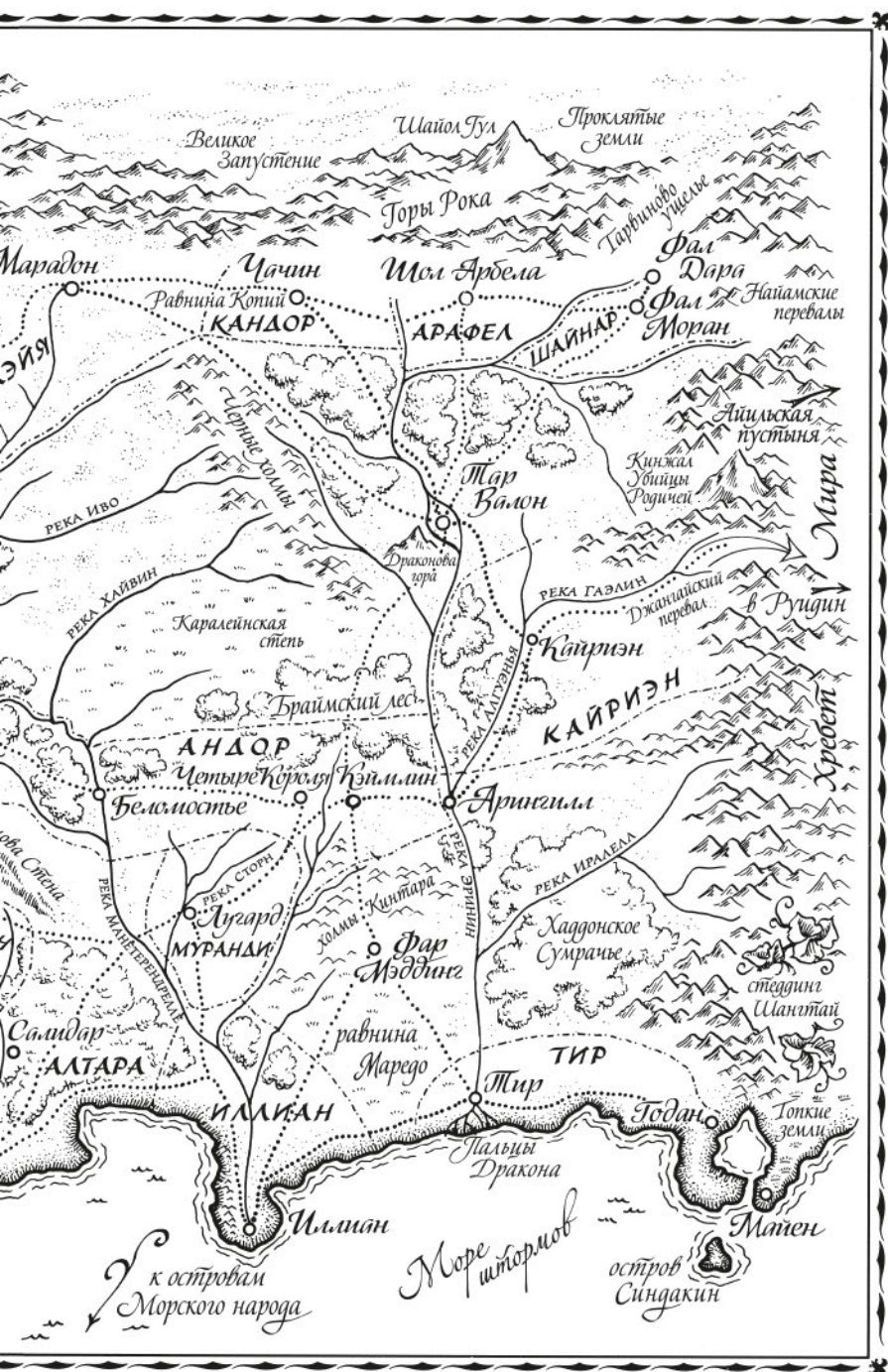
остров
Тремалкин

Берег
Тени

Ледя
Замерзшего
под Ветром

остров
Куайм

Эбу Дар

ПРОЛОГ

Обманчивая внешность

Этениелле доводилось видывать горы и пониже, чем эти Черные холмы — будто в насмешку так названные огромные кособокие груды наполовину заплывших землей валунов, по склонам которых петляли крутые тропки. На многих из них несладко пришлось бы и горному козлу. Три дня кряду можно ехать среди иссушенных зноем лесов и лугов с пожухлой травой, не видя и следа человеческого жилья, а потом вдруг в полудневном переходе обнаружить семь-восемь крохотных деревушек, о которых мир и не подозревает. Черные холмы — место неприветливое, в стороне от торговых путей, а в нынешние времена и подавно. С крутого утеса, шагах в сорока в стороне, взирал на проезжавшую мимо Этениелле и ее вооруженный эскорт исхудавший леопард, вскоре исчезнувший из вида. На западе дурным знаменем терпеливо кружили стервятники. Кроваво-красное солнце, на небе ни облачка; изредка налетал теплый ветер и в воздух поднималась стена пыли.

Этениелле ехала неторопливо, с рассеянным видом. Чего опасаться, когда за спиной пятьдесят воинов? В противоположность своему почти легендарному предку Сураце, она вовсе не думала, будто погода подчинится ее воле только потому, что она восседает на Облачном троне. Что же до спешки... В тща-

тельно зашифрованных, оберегаемых пуще глаза посланиях были согласованы сроки выступления в поход, и с каждым была обговорена необходимость не привлекать особого внимания. Не очень простая задачка. Некоторые полагали ее невозможной.

Нахмурившись, Этениелле задумалась о том везении, благодаря которому ей удалось незаметно забраться так далеко: никого не пришлось убивать, и, хотя на объезд малюсеньких деревушек требовалось порой несколько дней, все получилось как нельзя лучше. Несколько огирских *стеддингов* не вызвали затруднений — в большинстве своем огиры уделяли мало внимания тому, что происходит у людей, а в последнее время их это и подавно не волновало, — но вот деревни... Они были слишком малы, вряд ли в них могли оказаться глаза-и-уши Белой Башни или же того, кто провозгласил себя Драконом Возрожденным, — наверное, так оно и есть; впрочем, Этениелле еще не решила, что хуже, — да, слишком малы, но рано или поздно в них появятся торговцы. А торговцы возят с собой не только товары, но и слухи и болтают с кем ни попадя, и слух потечет, словно река, набирая силу, через Черные холмы, покатится дальше по миру. Несколько слов, и один-единственный пастух, ушедший незамеченным, может зажечь сигнальный костер, видимый за пять сотен лиг. От такого огонька запылают леса и луга. И города, быть может. Целые государства.

— Верный ли выбор я сделала, Серайлла?

Сердась на себя, Этениелле поморщилась. Она уже не девочка, чему свидетелями седые пряди, так к чему же бездумно болтать языком? Решение принято. Хотя от тревожных дум никуда не денешься. Свет свидетель, она не так бесстрашна, как бы ей того хотелось.

Первая советница ехала на мышастой кобыле следом за Этениелле, держась вплотную за стройным вороным мерином королевы. С круглым доброжелательным лицом, внимательными темными глазами, леди Серайллу можно было принять за жену фермера в платье родовитой особы, но ум, прячущийся за грубыми чертами потного лица, остротой не уступал уму Айз Седай.

— Другие решения — не меньший риск, — спокойно ответила Серайлла. Коренастая, но сидевшая в седле с той же граци-

ей, с какой танцевала на балах, Серайлла всегда держалась со спокойствием. Без вкрадчивости, лести или фальши — она просто была совершенно невозмутима. — Какова бы ни была правда, ваше величество, но, судя по всему, Белую Башню парализовало, равно как и расколело. Вы могли бы сидеть и следить за Запустением, пока мир у вас за спиной рушился в тартарары. Будь на вашем месте кто-то другой.

Простая необходимость действовать. Только ли это привело ее сюда? Что ж, коли Белая Башня не хочет или не может сделать того, что требуется, тогда это должен сделать кто-то другой. Что толку стоять на рубежах Запустения, если мир за спиной рушится?

Этениелле посмотрела на стройного мужчину, ехавшего по другую сторону от нее: белые пряди на висках придавали ему надменный вид, на стиге руки в изукрашенных, орнаментированных ножнах красовался меч Кирукан. Во всяком случае, так говорили; что ж, легендарная воительница королева Арамелле вполне могла его носить. Клинок был древним, некоторые утверждали, что создан он с помощью Силы. Двуручная рукоять, как того требовали традиции, была обращена к Этениелле, хотя у нее и в мыслях не было хвататься за меч, как какой-нибудь пылкой салдэйке. Королеве положено думать, вести за собой, командовать, а это вряд ли возможно, если пытаться делать то, что куда лучше способен сделать любой солдат ее армии.

— А ты, хранитель меча? — обратилась Этениелле к мужчине. — Гнетут ли тебя сомнения в этот поздний час?

Лорд Балдер повернулся в украшенном золотом седле, оглянулся на всадников позади, на знамена в их руках, спрятанные в чехлы из выделанной кожи и шитого золотом бархата.

— Мне не нравится скрывать, кто я такой, ваше величество, — нервно проговорил он. — Скоро мир узнает о нас, о том, что мы сделаем. Или что пытаемся сделать. Мы или погибнем, или войдем в историю, или и то и другое вместе, так что пусть они знают нас по именам.

Балдер отличался язвительностью и больше интересовался музыкой и своими нарядами, нежели чем-то еще, — ладно пригнанная по фигуре синяя куртка была за сегодняшний день уже третьей, — но, как и в случае с Серайллой, внешность была

обманчива. На хранителя меча при Облачном троне возлагалась ответственность куда большая, чем таскать меч в украшенных самоцветами ножнах. После смерти мужа Этениелле, около двадцати лет назад, Балдер от имени королевы командовал отправленной в поход армией Кандора, и большинство солдат отправилось бы за ним к самому Шайол Гул. Его не считали выдающимся военачальником, но он знал, когда нужно сражаться, а когда уйти от боя, и знал также, как одерживать победы.

— Место встречи должно быть поблизости, — вдруг заметила Серайлла.

Тут и Этениелле заметила разведчика, которого Балдер выслал вперед, — лукавого малого по имени Ломас, в шлеме с гребнем в виде лисьей головы. Он остановил своего коня на верху тропы. Наклонив копье, он сделал знак рукой, означавший: «виден пункт сбора».

Балдер развернул широкоплечего мерина и громко отдал эскорту приказ остановиться — когда надо было, он мог и рявкнуть, — потом, пришпорив коня, послал того вслед за королевой и Серайллой. Хотя встречались и давнишние союзники, но Балдер, проезжая мимо Ломаса, обронил короткий приказ: «Наблюдай и передавай». Если что-то пойдет не так, Ломас даст эскорту сигнал идти на выручку своей королеве.

Заметив одобрителный кивок Серайллы, Этениелле едва заметно вздохнула. Да, давнишние союзники, но времена нынче такие, что подозрения множатся, точно мухи в навозе. А они разворошат кучу, и мухи наверняка закружатся в воздухе. За последний год слишком многие правители на юге погибли или исчезли, так что она не чувствовала себя спокойно с короной на голове. Слишком много земель подверглись опустошению, которое могла бы учинить разве что целая армия троллоков. Кем бы он ни был, этот ал'Тор, ему за многое придется ответить. За многое.

За Ломасом тропа открывалась в низинку, которую язык не поворачивался назвать долиной, а редкие деревья едва ли служивали названиями рощи. Зелень немного сохранилась на болотных миртах, голубых елях, трехигольных соснах и на нескольких дубах, но остальные деревья стояли либо голые, либо с побуревшей листвой на ветвях. Южнее, однако, находилось то, из-за чего именно это место было выбрано для встречи. На

голом склоне холма, частью уйдя в землю, наклонно торчал тонкий шпиль, похожий на колонну из сверкающего золотого кружева, верхушка его на добрых семьдесят шагов возвышалась над кронами деревьев. Об этом шпиле знал в Черных холмах любой научившийся ходить ребенок, но вокруг на четыре дневных перехода не было деревень, и по своему желанию сюда никто и на десять миль не подойдет. Об этом месте ходили слухи, что здесь бывают жуткие видения и тут, мол, бродят ожившие мертвецы, а коснувшись шпиля, можно умереть.

Этениелле, хоть и не считала себя впечатлительной, слегка поежилась. Ниан говорила, что шпиль — осколок Эпохи легенд и что он никому не причинит вреда. Если повезет, то у Айз Седай не будет повода вспоминать тот разговор, случившийся несколько лет назад. Жаль, что здесь не оживают мертвые. Легенда гласит, что Кирукан собственными руками обезглавила Лжедракона и что от другого мужчины, способного направлять Силу, она родила двух сыновей. Или, может, от того же самого. Она бы знала, как добиться цели и остаться в живых.

Как Этениелле и предполагала, первая пара из тех, на встречу с кем направлялась королева, уже поджидала ее. Обоих сопровождали двое. Пейтар Начиман — на длинном лице слишком много морщинок, куда больше, чем у того ошеломительно красивого мужчины, которым Этениелле восхищалась в детстве, не говоря уже о том, что волос у него стало гораздо меньше, и те — седые. К счастью, он отказался от арафелского обычая заплетать косицы и волосы подстригал коротко. Но в седле Пейтар держался прямо, крепким плечам не нужна подкладка в шитой золотом зеленой куртке, и Этениелле знала, что мечом, висящим у бедра, он владеет с прежней ловкостью. Изар Тогита — квадратное лицо, голова, за исключением пряди белых волос на макушке, выбрита, простая куртка цвета старой бронзы. Он был на голову ниже короля Арафела и худощавее, но тот рядом с ним казался добродушным. Изару Шайнарскому незачем было хмуриться — какая-то печаль всегда таилась в его глазах, — он казался выплавленным из того же металла, что и длинный меч у него за спиной. Этениелле доверяла обоим и надеялась, что это доверие подкрепят семейные узы. Союзы по браку всегда связывали Пограничные земли, в той же мере, как их спланивала война с Запустением. Дочь Этениелле была

замужем за третьим сыном Изара, а сын любимой внучки Пейтара, так же как брат и две сестры, нашли себе супругов в их Домах.

Спутники королей походили друг на друга не больше их самих. Как обычно, Ишигари Тerasиан выглядел так, будто в седло его посадили в похмельном оцепенении после знатной пьянки, и оставалось удивляться, как такой толстяк на коне держится; красная тонкая куртка будто жеваная, щеки не бриты, взгляд затуманенный. По контрасту Кэйрил Шианри, высокий и худощавый, щегольством мало уступал Балдеру, хотя на припорошенном пылью лице сверкали капельки пота, в косицы вплетены серебряные колокольчики, такие же позвякивают на голенищах сапог. Как обычно, на всех, кроме Пейтара, он взирал холодно, чуть ли не воротя свой выдающийся нос. Вообще-то, во многих отношениях Шианри был глуп — короли Арафела редко позволяли себе роскошь прислушиваться к советникам, больше полагаясь на своих королев, — но он тоже был не тем, кем казался с виду. Агельмар Джагад многим походил на Изара, хоть и был выше его и шире в плечах, — по-солдатски просто одетый мужчина, словно из камня и стали, увешанный оружием с головы до ног. Молниеносная смерть, только ждущая приказа. Алесуне Чулин — стройна и привлекательна в той же степени, как Серайлла коренаста и простолица, и в ней клокотала ярость, в то время как Серайлла была само спокойствие. Алесуне, казалось, и родилась в своих тонких шелках голубого цвета. Хорошо бы не забывать, что и о ней, как и о Серайлле, судить по внешности было бы ошибкой.

— Да пребудут с тобой мир и Свет, Этениелле Кандорская, — хрипло поприветствовал Изар Этениелле.

Та остановила коня перед королями, и сразу же Пейтар распевно произнес:

— Да обнимет тебя Свет, Этениелле Кандорская!

От голоса Пейтара сердца женщин по-прежнему бились учащенно. И сердце жены, которая знала, что он весь ее, до подошв сапог, — Этениелле сомневалась, чтобы у Менуки имелся хоть малейший повод для ревности, да и сама она в жизни такого повода не давала.

Этениелле приветствовала их столь же кратко, завершив откровенным:

— Надеюсь, вы добрались сюда незамеченными.

Изар фыркнул и оперся о седло, мрачно разглядывая Этениелле. Суровый мужчина, но одиннадцать лет вдовец и по-прежнему в трауре. В память своей жены он писал стихи. Внешность всегда обманчива, всегда за нею что-то да кроется.

— Когда бы нас заметили, Этениелле, — проворчал он, — нам можно было бы поворачивать назад.

— Уже говорите о том, чтобы поворачивать?

Каким-то образом своим тоном и подергиванием поводьев, украшенных бахромой, Шианри ухитрился выразить разом и презрение, и едва прикрытый вежливостью вызов.

Агельмар холодно оглядел его, чуть шевельнулся в седле, словно бы вспоминая, где какое оружие находится. Да, старые союзники во многих битвах против Запустения, но — все во власти новых подозрений.

Серая кобыла, ростом с боевого коня, затанцевала под Алесуне. Тонкие белые пряди в длинных черных волосах вдруг напомнили плюмаж боевого шлема, а глаза Алесуне заставили легко забыть, что шайнарки не учатся владеть оружием и не бьются на дуэлях. Титул ее был прост — *шатайян* королевского двора, однако если кто-либо подумает, будто влияние шатайян распространяется только на дела с поставщиками провизии, тем самым он совершит смертельно опасную ошибку.

— Безрассудство — это не смелость, лорд Шианри. Мы оставили рубежи Запустения почти без защиты. И если мы не выполним того, что намерены сделать, наши головы насадят на копья. Если об этом не позаботится ал'Тор, то уж Белая Башня в удовольствии себе не откажет.

— Запустение, можно сказать, впало в спячку, — пробормотал Терасиан, потирая мясистый подбородок. Тихо скрипнула щетина. — Никогда не видывал его таким.

— Тень никогда не засыпает, — негромко обронил Джагад, и Терасиан задумчиво кивнул.

Из всех здесь присутствовавших лучшим полководцем считался Агельмар, однако места по правую руку Пейтара Терасиан добился вовсе не потому, что был хорошим собутыльником.

— Те силы, что я оставила, сдержат Запустение, если только вновь не разразятся Троллоковы войны, — сказала Этениелле твердо. — Надеюсь, вы все поступили так же. Впрочем, какое

это имеет значение? Неужели кто-то думает, что мы и в самом деле можем повернуть назад?

Она вложила в вопрос изрядную долю сарказма и не ожидала ответа. Но ей ответили.

— Повернуть назад? — раздался за спиной Этениелле требовательный высокий голос молодой женщины.

К собравшимся галопом подскакала Тенобия Салдэйская и так резко осадилла своего белого мерина, что тот встал на дыбы. По темно-серым рукавам ее дорожного платья с узкими юбками тянулись тонкие цепочки жемчужин, а обильная ало-золотая вышивка подчеркивала тонкую талию и округлую грудь. Высокая для женщины, Тенобия умела быть если и не красивой, то хорошенькой, несмотря на слишком дерзко выступающий нос. Такому впечатлению немало способствовали большие миндалевидные глаза глубокого синего цвета, а также и уверенность, которую она словно бы излучала вокруг себя. Как и ожидалось, королеву Салдэйи сопровождал лишь Калиан Рамсин, один из ее многочисленных дядьев, седоволосый, покрытый шрамами, с орлиным профилем и густыми усами, загибавшимися вниз. Тенобия Казади принимала советы солдат, но больше — ничьи.

— Я назад не поверну, — яростно продолжала она, — что бы ни стали делать другие. Я отправила своего *дорогого* дядю Даврама принести мне голову Лжедракона Мазрима Таима, а теперь они оба, и он, и Таим, идут за этим ал'Тором. Это если верить хотя бы половине того, что я слышала. При мне пятьдесят тысяч, и, что бы вы ни решили, я не поверну обратно, пока дядя и ал'Тор в точности не усвоят, кто правит Салдэйей!

Этениелле переглянулась с Серайллой и Балдером, а Пейтар и Изар принялись убеждать Тенобию, что тоже не намерены отступать. Серайлла чуть качнула головой, еле заметно пожала плечами. Балдер не таясь закатил глаза. Этениелле отчасти предполагала, что в конце концов Тенобия не решится приехать, но, видно, с девчонкой хлопот не оберешься.

Салдэйцы были со странностями — частенько Этениелле удивляло, как это ее сестра Эйнона так удачно вышла замуж за другого дядю Тенобии, — однако у Тенобии все странности доходили до крайностей. От любого салдэйца можно ожидать чего угодно, но Тенобия находила удовольствие в том, чтобы шо-

кировать доманийцев и перещеголять алтарцев. Вспыльчивость салдэйцев вошла в легенды; характер же Тенобии был точно лесной пожар на сильном ветру, и никогда не скажешь, что послужит для него искрой. Этениелле даже задумываться не хотелось, каких трудов будет стоить заставить ее прислушаться к доводам здравого смысла. На такое способен разве что Даврам Башир. А ведь еще был и вопрос о браке.

Не стоит забывать и о том, что Тенобия по-прежнему молодая, хотя давно миновала возраст, когда ей следовало выйти замуж: брак — долг любого члена правящего Дома, а тем более правителя. Однако Этениелле никогда не рассматривала девушку как невесту для кого-то из своих сыновей. Требования к мужу у Тенобии были такие же, как и к себе самой. Пожалуй, она бы без оглядки выскочила за героя, способного одолеть разом дюжину мурддраалов, одновременно играя на арфе и сочиняя стихи. Также он должен в искусной беседе посрамить своими познаниями ученых, одновременно съезжая верхом по отвесному склону. Или взбираясь на неприступную скалу. Разумеется, он должен уступать ей — ведь, в конце концов, она королева! — правда, иногда Тенобия будет ждать от него, что он пропустит мимо ушей все ею сказанное и попросту закинет ее себе на плечо. Девчонка и впрямь именно этого ожидает! И да поможет муженьку Свет, если ему вздумается проделать это в тот момент, когда ей хочется другого! Или подчиниться, когда ей угодно иное. Она никогда не говорила напрямую, но любая женщина с толикой мозгов, услышав ее разговоры о мужчинах, очень скоро сложит одно с другим. Тенобия умрет старой девой. Иными словами, наследует ей Даврам, ее дядя, — если после всего она оставит его в живых. Или же наследник Даврама.

Тут ухо Этениелле кое-что уловило, и она резко выпрямилась в седле. Зря отвлеклась — слишком многое поставлено на кон.

— Айз Седай? — резким тоном спросила она. — Что Айз Седай?

Их советницы из Белой Башни, все, кроме Пейтара, отбыли, едва получили известия о бедах в Башне, — и ее советница Нилан, и Изара Айслинг исчезли без следа. Если к Айз Седай просочится хотя бы намек на их планы... Что ж, у Айз Седай всегда

есть свои собственные планы. Всегда. Этениелле очень бы не хотелось обнаружить, что она сует руки не в одно осиное гнездо, а сразу в два.

Пейтар, слегка смутившись, пожал плечами. Не такой уж сложный для него прием; он, как и Серайлла, попросту не допускал, чтобы что-либо могло вывести его из себя.

— Не думала же ты, Этениелле, что я оставлю Коладару? — ответил он. — Я бы не оставил ее, даже если бы мне удалось скрыть от нее приготовления к походу.

Она и вправду так не думала: ведь Кируна, его любимая сестра, была Айз Седай, и она внушила ему глубокое уважение к Башне. Однако думать не думала, а втайне надеялась...

— У Коладары были гости, — продолжил Пейтар. — Семь сестер. В сложившихся обстоятельствах привести их с собой представлялось разумным. К счастью, убеждать никого не пришлось. По правде говоря, совсем не понадобилось.

— Да сияет и сохранит Свет наши души, — прошептала Этениелле и услышала тихие молитвы Серайллы и Балдера. — Восемь сестер, Пейтар? Восемь?

В Белой Башне уже наверняка известно все, даже то, что они еще только замышляют.

— И со мной еще пять, — вмешалась Тенобия тоном, каким объявляют, что отыскалась новая пара шлепанцев. — Они нашли меня раньше, чем я покинула Салдэйю. Уверена, случайно: удивились не меньше моего. Едва узнав, что я делаю, — до сих пор понять не могу, как они это узнали, но узнали!.. И я думала, они кинутся искать Мемару. — На миг она нахмурила брови. Элайда крупно просчиталась, решив припугнуть Тенобию и послать к ней сестру. — Вместо этого, — договорила она, — Иллейзиен и остальные принялись настаивать на скрытности больше моего.

— И даже так, — не отступалась Этениелле. — Тринадцать сестер! Достаточно того, чтобы одна из них каким-то образом передала послание! Несколько строчек. Какой-нибудь солдат или запуганная служанка. Неужели кто-то из вас полагает, будто способен их остановить?

— Кости брошены на стол, — просто отозвался Пейтар.

Сделанного не воротишь. С точки зрения Этениелле, арафельцы почти такие же странные, что и салдэйцы.

— Тринадцать Айз Седай нам вовсе не помешают на юге, — прибавил Изар.

Скрытый смысл его слов был ясен всем. Впрочем, никто не ответил, словно не желая искушать судьбу. Совсем не похоже на противостояние Запустению.

Только Тенобия вдруг усмехнулась. Ее мерин затанцевал было, но она успокоила его.

— Я предполагала двинуться на юг как можно быстрее, но приглашаю вас всех сегодня на обед в свой лагерь. Вы сможете поговорить с Иллейзиен и ее подругами и решите, будут ли ваши суждения такими же, как мое. Вероятно, завтра вечером мы все сможем собраться в лагере Пейтара и расспросить подруг Коладары. — Предложение было столь разумным, столь несомненно необходимым, что согласились сразу все. И тогда Тенобия прибавила, словно эта мысль ей только что пришла в голову: — Этениелле, мой дядя Калиан почтет за честь, если ты позволишь сегодня вечером ему сесть с тобой рядом. Он восхищается тобою.

Этениелле бросила взгляд за спину Тенобии, на Калиана Рамсина — тот сидел молча, не разжимая губ, казалось, что и во все не дыша, — она просто взглянула на него, и на миг этот убежденный сединами орел отдернул занавес со своих глаз. На миг ей показалось, что она увидела то, чего не видела давно, со смерти Бриса: мужчину, который смотрит не на королеву, а на женщину. От потрясения у нее дыхание перехватило. Взор Тенобии скользнул с дяди на Этениелле, на губах ее показалась еле заметная довольная улыбка.

Гнев вскипел в Этениелле. После этой улыбки все стало ясно, даже если бы не хватило взгляда Калиана. Девчонка надумала оженить этого малого на ней! *Дитячко* посмело?.. И внезапно гнев сменился печалью. Сама Этениелле была моложе, когда пыталась устроить брак своей вдовой сестры Назелле. Вопрос государственный, но, несмотря на все свои протесты, Назелле влюбилась в лорда Исмика. Этениелле так долго приходилось устраивать чужие свадьбы, и она даже не задумывалась, что ее брак может оказаться важным фактором государственных дел. Она вновь посмотрела на Калиана, задержав взгляд подольше. Его испещренное морщинами лицо снова выражало почтительность, но она видела его глаза. Если она вы-

берет себе консорта, его должна отличать твердость, но своим детям, если и не всем родичам, она всегда желала в браке любви. То же, в наименьшей степени, относилось и к ней самой.

— Вместо того чтобы тратить день на болтовню, — сказала Этениелле, куда тише, чем ей бы того хотелось, — давайте исполним то, ради чего мы здесь. — Да испепелит Свет ее душу, она ведь взрослая женщина, а не девчонка на первой встрече с поклонником. — Ну? — потребовала она. На сей раз ее тон был определенно тверд.

В тех осторожных письмах уже обо всем договорились, но все планы об отъезде на юг будут изменяться сообразно обстоятельствам. Сегодняшняя встреча преследовала всего одну цель — устроить древнюю церемонию в традиции Пограничных земель, церемонию, которая за все годы со времен Разлома Мира происходила, как гласят летописи, всего семь раз. Простая церемония, которая свяжет куда крепче слов, сколь бы решительны те ни были. Правители сдвинулись потеснее, остальные отъехали назад.

Этениелле зашипела сквозь зубы, полоснув себя по левой ладони ножом. Тенобия, надрезая свою ладонь, смеялась. Пейтар и Изар все равно что занозу выковыривали. Вытянулись четыре руки, встретились, сомкнулись в общем пожатии, смешивая кровь; и капли падали на землю, тут же впитываясь в иссушенную почву.

— Мы — едины, до самой смерти, — сказал Изар, и остальные повторили вслед за ним:

— Мы — едины, до самой смерти.

Отныне они связаны кровью и землей. Теперь они обязаны отыскать Ранда ал'Тора. И свершить то, что должно быть сделано. Не постояв за ценой.

Удостоверившись, что Туранна в силах сидеть без посторонней помощи, Верин встала, оставив обмякшую Белую сестру пить воду. Во всяком случае, та пыталась пить. Зубы Туранны стучали по серебряной чаше, что и неудивительно. Клапан у входа в палатку был опущен, и Верин пришлось пригнуться, чтобы высунуть наружу голову. И сразу усталость болью отозвалась в спине. Верин ничуть не боялась дрожавшей у нее за спиной женщины в черной одежде из грубой шерсти. Она креп-

ко держала щит, ограждавший ее, и сомневалась, чтобы у Туранны нашлось достаточно сил, чтобы наброситься на нее сзади, даже приди Белой в голову такая невероятная мысль. Белые о подобном просто помыслить не могут. Тем более что в нынешнем состоянии Туранна еще несколько часов вряд ли сумеет направить Силу, даже не будь она отгорожена щитом.

На холмах у Кайриэна раскинулся лагерь Айил: низкие палатки землистого цвета заполняли пространство между редкими деревьями, оставшимися в такой близости от столицы. В воздухе висели тучи пыли, но айильцев не беспокоили ни пыль, ни жара, ни сияние яростного солнца. Лагерь, не уступавший размерами какому-нибудь городу, был охвачен деловитой суетой. Верин видела мужчин, разделявающих дичь и латающих палатки, точивших ножи и тачавших мягкие сапоги, в которых ходили все айильцы; женщин, готовящих еду на разведенных костерках, пекущих хлеб, ткающих на небольших ткацких станках, высматривающих по лагерю детей. Повсюду облаченные в белое *гай'шайн* — они переносили тяжести, выколачивали ковры, возились с вьючными лошадьми и мулами. Ни лавочников, ни торговцев-разносчиков. И разумеется, ни телег, ни тачек. Город? Больше походит на тысячу собранных вместе деревень, хотя мужчин здесь гораздо больше, чем женщин, и, не считая кузнецов, под молотами которых звенели наковальни, все мужчины, не носившие белые одежды, вооружены. Впрочем, большинство женщин тоже носили оружие.

Среди такого множества людей, под стать огромному городу, вполне могли совершенно затеряться несколько пленных Айз Седай, но не далее чем в пятидесяти шагах ковыляла женщина в черном бесформенном платье. Она волокла за собой коровью шкуру с наваленными на нее камнями. Лицо женщины скрывал глубокий капюшон, но никто, кроме захваченных сестер, не носил в лагере этих черных одежд. За шкурой шагала Хранительница Мудрости, ее окружало сияние Силы — она ограждала Айз Седай щитом, а по бокам сестры, подгоняя розгами, если она мешкала, шли две Девы. Верин терялась в догадках, не специально ли ей показывают пленниц. Этим утром она прошла мимо большеглазой Койрен Селдайн — по ее лицу струился пот, она шагала вверх по склону с тяжелой корзиной с песком на спине, в сопровождении Хранительницы Мудрости

и двух рослых айильцев. Вчера — Сарен Немдал. Ее заставили горстями переливать воду из одного кожаного ведра в другое, наказывая розгами за каждую пролитую каплю. Сарен ухитрилась улучшить момент и спросить у Верин: «Почему я?» — хотя вряд ли ожидала ответа. Да Верин и не сумела бы дать хоть какой-то ответ: Девы тотчас же заставили Сарен вернуться к бессмысленному занятию.

Верин подавила вздох. С одной стороны, ей не очень-то нравилось подобное отношение к сестрам, каковы бы ни были причины или необходимость, а с другой — Хранительницы Мудрости явно хотят... Чего? Чтобы она поняла, что звание Айз Седай здесь — пустой звук? Нелепо. Уже растолковали, доходчивее некуда. А может, чтобы она осознала: черное платье могут надеть и на нее саму? Какое-то время она полагала, что ей-то эта участь не грозит, но Хранительницы таят столько тайн, которые еще предстоит разгадать! Из этих тайн самая малая — какова у них иерархия. Женщинам, отдающим распоряжения, иногда приказывают те самые женщины, которыми чуть ранее командовали, а позже все вновь меняется, и Верин не понятен ни порядок, ни причины. Хотя вот Сорилее до сих пор никто не давал указаний; хоть какое-то утешение.

Верин мысленно улыбнулась. Сегодня, ранним утром, в Солнечном дворце Сорилее потребовала ответа: что более всего стыдно для мокроземцев? Кируна и другие сестры не поняли; они и не старались по-настоящему уяснить происходящее, то ли страшась того, что узнают, то ли боясь испытания, которому может подвергнуться клятва. Они по-прежнему старались оправдать тот роковой путь, с которого их столкнула судьба, но у Верин уже были доводы в пользу того пути, который избрала она, доводы и цель. В пояском кошельке у нее лежал готовый список — осталось только вручить его Сорилее, когда они окажутся наедине. Другим знать ни к чему. Кое-кого из пленниц Верин в жизни не встречала, но полагала, что для большинства из них в этом списке подытожены те слабости, которые искала Сорилее. Для женщин в черном жизнь станет намного труднее. И если повезет, ее собственные усилия сыграют в этом немалую роль.

У самой палатки сидели два рослых и могучих — косая сажень в плечах — айильца, с виду совершенно поглощенные иг-

рой в «кошачью колыбельку», но стоило Верин высунуться из палатки, как они быстро огляделись. Корама поднялся во весь рост с быстротой змеи, а Мендан помедлил лишь миг, пряча веревочку. Выпрямись Верин, она едва бы достала любому из них до груди. Разумеется, она могла бы перевернуть обоих вверх тормашками и отшлепать в придачу. Когда бы осмелилась. Иногда искушение было так велико... Их назначили в провожатые Верин, поручив оберегать от недоразумений в лагере. И несомненно, они сообщали обо всем, что она скажет или сделает. В некоторых отношениях она бы предпочла, чтобы с нею был Томас, но лишь в некоторых. От своего Стража уберечь тайны куда труднее, чем от чужаков.

— Пожалуйста, передайте Колинде, что я закончила с Туранной Норилл, — сказала Верин Корама, — и попросите ее прислать ко мне Кэтрин Алруддин.

Сначала Верин хотела закончить с сестрами, у которых не было Стражей. Корама кивнул и, не сказав ни слова, потрусил прочь. Не слишком-то любезны эти айильцы.

Мендан опустил на корточки, поглядывая на Верин изумительно синими глазами. Вокруг головы Мендана была повязана полоса красной ткани с древней эмблемой Айз Седай. Как и другие носившие такую повязку мужчины, как и Девы, он словно бы ждал, когда она допустит оплошность. Что ж, они не первые и далеко не самые опасные. С той поры, когда она допустила последнюю серьезную ошибку, минул семьдесят один год.

Верин одарила Мендана туманной улыбкой и уже нырнула было обратно в палатку, как вдруг ее взгляд наткнулся на то, что удержало ее точно тисками. Если бы айилец попытался перерезать ей горло, она бы этого не заметила.

Недалеко от палатки сидели на коленях девять или десять женщин, они вращали ручные мельницы из плоских камней — такими жерновами пользуются на отдаленных фермах. Другие подносили в корзинах зерно и относили муку. Девять или десять женщин в темных юбках и светлых блузах, сложенные шарфы повязаны на голове, стояли на коленях. Одна, заметно ниже остальных, единственная, чьи волосы не доходили до талии, не носила ни ожерелий, ни браслетов. Она подняла голову и встретилась взглядом с Верин, и черты ее покрасневшего на солнце лица обострились от негодования. Правда, лишь на мгно-

вение, а потом она вновь принялась торопливо крутить ручку тяжелого жернова.

Верин юркнула в палатку, ощущая подкатившую к горлу дурноту. Иргайн из Зеленой Аяя. Точнее, она была Зеленой сестрой — до того как Ранд ал'Тор усмирил ее. Щит притупляет и размывает узы со Стражем, но усмирение, как и смерть, разом обрывает их. Один из Стражей Иргайн, по-видимому, пал за смертью от потрясения, а другой погиб, пытаясь перебить тысячи айильцев, даже не помышляя о бегстве. Вероятно, Иргайн жалеет, что осталась в живых. Усмиренной. Верин прижала ладони к животу. Нет, ей *не будет* плохо. Ей доводилось выдвигать кое-что и пострашнее усмиренной женщины. Гораздо страшнее.

— Ведь нет никакой надежды? — глухо пробормотала Туранна. Она молча плакала, глядя на дрожащую в ладонях серебряную чашу как на нечто далекое и ужасное. — Никакой надежды.

— Если поискать, всегда найдется выход, — сказала Верин, рассеянно погладив женщину по плечу. — Ищи.

Мысли ее устремились вскачь, и ни одна из них не была о Туранне. При виде усмиренной Иргайн сжался желудок, горечь подкатила к горлу — то ведомо Свету. Но что она делает, меля зерно? И одетая, точно айилка?! Ее заставили работать, чтобы это увидела Верин? Глупости — даже с таким сильным *та'вереном*, как Ранд ал'Тор в нескольких милях отсюда, все же есть некий предел случайным совпадениям. Неужели она ошиблась? В худшем случае ошибка не так велика. Только вот маленькие ошибки порой оказываются столь же губительны, как и большие. Сколько она сама выдержит, если Сорилея захочет сломать ее? Разочаровывающе мало, как подозревала Верин. В некоторых отношениях Сорилея жестока, как любой, кто ей когда-либо встречался. И неизвестно, что ее остановит. Не сегодня об этом беспокоиться. Нет смысла забегать вперед.

Опустившись на колени, Верин принялась утешать Туранну, но не очень убедительно. Слова утешения звучали пусто как для нее, так и для Туранны. Лишь сама Туранна может изменить свое положение, это зависит только от нее, от ее душевных сил. Белая сестра горько зарыдала, плечи безмолвно затряслись, слезы катились по лицу. Появление двух Хранительниц и пары

юных айильцев, которым низкая палатка не позволяла выпрямиться во весь рост, принесло облегчение. Во всяком случае, Верин. Она встала и поприветствовала вошедших реверансом, но те нисколько не заинтересовались ею.

Давиена — зеленоглазая, с желтовато-рыжими волосами; темные волосы сероглазой Лозейн чуть отливали рыжинкой на солнце. Обе были на голову выше Верин, лица обеих выражали мрачную решимость, хотя они явно желали чего-то другого. Ни одна не обладала такими способностями направлять Силу, чтобы в одиночку наверняка удержать Туранну, но они были соединены в круг — будто всю жизнь этим занимались. Сияние *саидар* вокруг одной, хотя стояли они не вплотную, сливалось с ореолом другой. Чтобы не нахмуриться, Верин заставила себя улыбнуться. Где они этому научились? Она готова была поставить в заклад все, что у нее было, что несколько дней назад они о таком и не помышляли.

События обрушились водопадом. Подхватив Туранну под руки, мужчины поставили ее на ноги. Серебряная чаша скатилась на пол. К счастью — пустая. Она не сопротивлялась, понимая, что любой из них может унести ее под мышкой, как куль с зерном. Челюсть у Туранны отвисла, она принялась хныкать. Айильцы не обратили на это внимания. Давиена, бывшая центром круга, перехватила щит, и Верин отпустила Источник совсем. Никто из них не доверял ей настолько, чтобы позволять обнимать саидар без известной им причины, какие бы клятвы она ни приносила. Никто будто ничего и не заметил. Мужчины выволокли Туранну, ее босые ноги волочились по коврам и парусиновому полу палатки. Следом вышли Хранительницы. И все. Что можно было сделать с Туранной, уже сделано.

Испутив глубокий вздох, Верин тяжело уселась на яркого цвета подушку. Рядом с ней стоял прекрасной работы золотой кубок, и она жадно осушила его. Все дело в жажде и в усталости. День едва на середине, а она чувствовала себя так, словно двадцать миль без отдыха волокла тяжелый сундук. По холмам. Чаша вернулась на поднос, и Верин вытащила из-за пояса маленькую книжку в кожаной обложке. Им всегда нужно какое-то время, чтобы привести очередную женщину. Пара минут перечесть записи и добавить новые — такой возможности нельзя упустить.

Джордан Р.

Д 42 Колесо Времени. Книга 8 : Путь кинжалов : роман / Роберт Джордан ; пер. с англ. Т. Велимеева, В. Волковского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с. + вкл. (4 с.). — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-20881-0

Монархи Пограничных земель, собрав войска и по древнему обычаю дав взаимную клятву, отправляются походом на юг, чтобы разобраться с Рандом ал'Тором, который взбаламутил полмира и объявил себя Возрожденным Драконом.

Тем временем Илэйн и Найнив, заполучив Чашу Ветров и заключив сделку с Морским народом, собираются избавить страну от безумной жары и засухи, наведенных Темным.

Положение поистине безысходное. Эбу Дар, важнейший морской порт континента, захватили явившиеся с моря шончанские войска и идут теперь с боями на Иллиан.

Ранд ал'Тор вступает в схватку с врагом. Но почему саидин, часть силы, которая правит Вселенной и вращает Колесо Времени, не подчиняется его воле, а Калландор, меч, который дается в руки только истинному Дракону, разит всех подряд — и чужих, и своих?..

В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ДЖОРДАН
КОЛЕСО ВРЕМЕНИ
Книга 8
ПУТЬ КИНЖАЛОВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Тахир Велимеев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.03.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 42,25 (вкл. вклейку).
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-29796-01-R